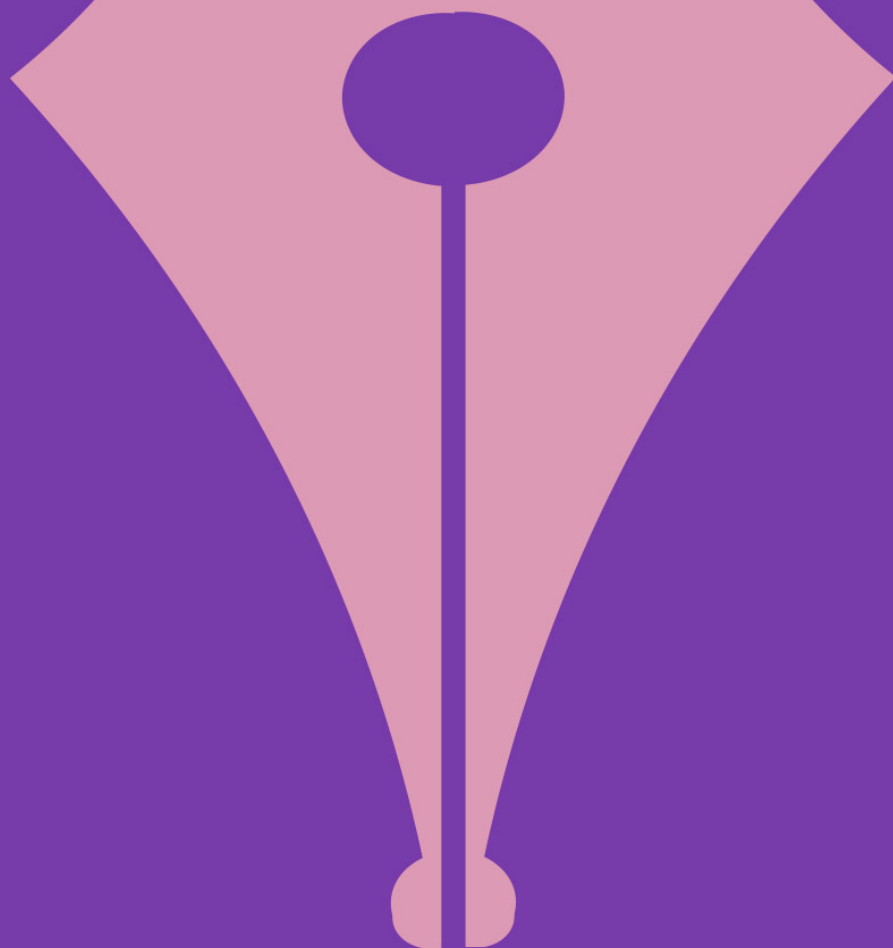

ИВАН БУНИН

ПОД СЕРПОМ
И МОЛОТОМ

Иван Бунин
Под серпом и молотом

«ЭКСМО»

1930

Бунин И. А.

Под серпом и молотом / И. А. Бунин — «Эксмо», 1930

«Этого старичка я узнал прошлой зимой, ещё при начале царствия Ленина. Эта зима была, кажется, особенно страшна. Тиф, холод, голод... Дикая, глухая Москва тонула в таких снегах, что никто не выходил из дому без самой крайней нужды...»

© Бунин И. А., 1930

© Эксмо, 1930

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Бунин

Под серпом и молотом

Из записок неизвестного

I

Этого старичка я узнал прошлой зимой, ещё при начале царствия Ленина. Эта зима была, кажется, особенно страшна. Тиф, холод, голод... Дикая, глухая Москва тонула в таких снегах, что никто не выходил из дому без самой крайней нужды.

Я искал его по одному делу. Узнал наконец, что он обитает в том же доме, где было прежде некое государственное учреждение, при котором состоял он. Теперь этот громадный дом пуст и мёртв. Я вошел в широкие раскрытые ворота и остановился, не зная, куда идти дальше. Но, по счастью, за мной вошёл какой-то мальчишка, который что-то нёс с собой. Оказалось, что мальчишка идет как раз к старичку, несёт ему пшённой каши: старичок питался только тем, что присылал ему иногда, по старой дружбе, отец мальчишки. Пошли вместе, вошли в подвальный этаж дома, долго шли по какому-то подземелью, постучали в маленькую дверку. Она отворилась в низок под каменным сводом. В низке было очень жарко: посреди стояла железная печка, докрасна раскалённая. Старичок поднялся мне навстречу на растоптанных, трясущихся ногах и сказал нечто странное теперь для слуха: «Имею честь кланяться, Борис Петрович!» Выцветшие, слезящиеся глаза, серые бакенбарды; давно небритый подбородок зарос густо, молочно. Весь низок сплошь увешен яркими лубочными картинками – святые, истязуемые мученики, блаженные и юродивые, виды монастырей, скитов; целый угол занят большим киотом с блестящими золотыми образами, перед которыми разноцветно теплятся лампадки – зелёные, малиновые, голубые. Запах лампадного масла, кипариса, воска и жар от печки нестерпимые.

– Да-с, тепло! – сказал, грустно усмехаясь, старичок. – Не в пример всей Москве, на холод не пожалуюсь. Всеми, слава Богу, забыт, даже почти никто и не подозревает, что я здесь уцелел. Не знает никто и про тот тайный запас дровец, что остался здесь в некотором подвальчике. Здесь, даст Бог, вскорости и окончу своё земное существование. Очень стал хил и печалюсь. Времена опять зашли тёмные, жестокие и, думаю, надолго. Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Так и Россия: вся наша история – шаг вперёд, два назад, к своему исконному – к дикому мужичеству, к разбитому корыту, к лыковому лаптю. Помните? «Было столь загажено в кремлевских палатах колодниками, что темнели на иконах ризы...» Таковыми палатами стала снова Россия. Нынешние правители её ещё дают до поры до времени полную волю народу, его зверству и безобразию, и народ пользуется этой волей, губительной для него же самого. Оправдывается слово Исаака Сирина:¹ «Пёс, лижущий пилу, пьёт собственную кровь и из-за сладости крови своей не сознаёт вреда себе...» Впрочем, всё это вам и без меня хорошо известно. Перейдёмте к делу: весь к вашим услугам, но чем именно могу служить?

...Весной он умер. В одно из наших последних свиданий он говорил мне:

– Знаете ли вы это чудное сказание? Забежала шакалка в пещеру Иоанна Многострадального и разбила его светильник, стоявший у входа. Святой, сидя ночью на полу тёмной пещеры, горько плакал, закрывшись руками: как, мол, совершать теперь чин ночной молитвы, чтения? Когда же поднял лицо, утираясь рукавом, то увидел, что озаряет пещеру некий тонкий, неведомо откуда струящийся свет. И так с тех пор и светил ему по ночам – до самой его кончины.

¹ Исаак Сирин (Сирянин) – отец церкви VII в., род. в Ниневии. Сохранилось в арабском переводе 133 поучения.

А при кончине, воспринимая его душу, нежно сказал ему Ангел Господень: «Это свет твоей скорби светил тебе, Иоанн!»

1930 г.

II

Жизнь возобновляется, – ведь идёт шестой год их царства, – даже начинает переходить в будни. Белый хлеб и чай входят в обычай. Опять, удивляя и радуя, открываются лавки и магазины, кое-где пошли трамваи, появились извозчики... И опять весна и даже некоторые весенние чувства, – например в какую-нибудь чёрную сырую ночь с этим особенным треском колёс и цоканием копыт по мостовой, с влажным ветром в фортку, или в солнечный полдень, когда всё течёт, блещет, тает, а на углу Арбата, на тротуаре, возле бывшей «Праги», сидят и, напоминая о юге, дерут свои стихирьы слепые лирники...

Вместе с весной стало как-то необычно людно на главных улицах. Народ, впрочем, всё больше новый. Людей прежнего времени, особенно старых, уже почти нет, их погибло за эти годы бесконечно много, а те, что как-то уцелели, странны: зачем они уцелели, зачем вылезли откуда-то на свет Божий, как заморенные звери из своих холодных нор, – бледные, обросшие ватной сединой, в зимних лохмотьях? Вижу иногда знаменитого народовольца: ужасная чёрная шляпа (ужаснее тех, что валялись прежде только на пустырях, на свалках), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые опорки, связанные верёвкой... Однако очень бодр, всегда не идет, а бежит, так и сверкает очками и младенческой, блаженно-изумлённой улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.